

ЮБИЛЕЙ

Возмутитель

спokoйствия

Владимиру
Войновичу —
70

Моск. Новости — 2002 — 30 сент. — С. 25.

В только что вышедшей книге писателя «Антисоветский Советский Союз» на всю обложку фотография автора. Он улыбается. Таким — веселым, улыбающимся — я и запомнил его, когда нас познакомил Виктор Некрасов, который был в восторге от его прозы. Правда, седины, как на нынешнем портрете, у Володи тогда не было.

Вспоминаю первое впечатление от прочитанных в начале шестидесятых в «Новом мире» рассказа «Мы здесь живем» и повести «Хочу быть честным», подписанных неизвестным мне тогда именем Владимир Войнович. Четыре десятилетия прошло, а не стерлось. Это было пестрое, переломное время — и в жизни нашей, потрясенной XX съездом, и в литературе. Лелеемая идеологическими спецслужбами, завалившая книжные склады и библиотечные полки макулатура, изготовляемая на скорую руку топором, не хотела сдавать своих позиций, изо всех сил отставивала свое, весьма прибыльное, место под социалистическим солнцем. И все-таки сладковатым сочинениям, воспевавшим потемкинские деревни льющегося через край колхозного изобилия и коммунистические стройки, где лучшее в трудных борениях одолевает хорошее, приходил конец. Читатель жаждал правды о том, как мы живем, правды, как бы ни была она горька, потому что жизнь наша сладкой не была. И такая литература начала пробиваться на журнальные страницы, ее главной трибуной стал «Новый мир». После долгого оцепенения в сталинскую пору литература приоткрыла в себя.

Появились новые имена, писатели становились, как говорили когда-то, властителями дум, помогая понять вчерашнее и сегодняшнее время. Владимир Войнович был одной из заметных фигур этой новой литературы. В его первых вещах, которые сразу так привлекли, так поразили меня тогда, — самая обыденная наша жизнь: повсеместная убогая нищета, повальное глуповство, замешенное на низкопробной демагогии. Все это, к чему притерпелись, привыкли, предстало как странный театр абсурда. И вроде ничего не было им подстроено, сконструировано — обычное течение жизни, просто повседневная наша действительность рассматривалась с точки зрения простодушного здравого смысла (потом лукавое простодушие здравого смысла станет содержанием образа Ивана Чонкина и основополагающим эстетическим принципом знаменитой книги). Кажется, нет выхода из лабиринтов этого абсурдного мира, в котором все перевернуто, в котором дважды два не только не четыре, но даже не пять, не восемь, а кочерга или старинная свечка. Но автор все-таки выводит нас из него, спасительной нитью служит юмор, насмешка, ирония. Смех помогает возвыситься над нагромождением чудовищных несуразностей беспроблемного быта

и казарменного общественного устройства, преодолеть их тяжелый гнет.

И жизнь вроде бы автору улыбалась — хвалили уважаемые писатели, приняли в Союз писателей, оценили и запомнили читатели, он купил «запорожец», который, как мне тогда казалось, был для него не столько средством передвижения, а увлекательной игрушкой — видно, с юношеских лет мечтал. Но недолго это продолжалось.

Впрочем, официозная критика сразу же после первых вещей Войновича забила тревогу: очернительство нашей светлой, замечательной современности, клевета на героических

и некоторых своих литературных собратьев судьбе, закончил ее горькими словами: «Бог ты мой, как трудно быть русским писателем. Как трудно жить по совести...»

Это и о Владимире Войновиче. Он стал опасным для начальства возмутителем литературного и общественного спокойствия. Сначала бдительные функционеры писательского департамента выводили его на чистую воду, клеймили, закрыли все пути в печать, исключили из Союза писателей. Потом пришлось ему изведать и «жандармов любезности», брошенных на подмогу литературным вертухаям. А они уже просто

сживали со свету. И предложили выбрать: либо свежий воздух лагеря, способствующий преодолению грани между физическим и умственным трудом, либо вон из страны. А вытолкнув в эмиграцию, лишили гражданства. И потом, как было принято, имя его и название его произведений даже из библиографических списков вычеркивались — словно и не было такого писателя. Это была придуманная в высоких начальственных кабинетах «высшая мера» крамольным писателям и их книгам.

Ошиблись, посчитав, что избавились от смутьяна, заткнули ему рот. Он и вдали от родины рук не сложил. Об этом свидетельствует сборник той поры «Антисоветский Советский Союз». Об этом свидетельствует и сатирическая фантазмагория «Москва — 2042» — она вобрала в себя множество самых тогда злободневных явлений, проблем, наклеивавшихся разрушительных тенденций и болезненных комплексов нашей загнивающей действительности.

Когда пала советская власть, среди немногих вернувшихся в Москву эмигрантов одним из первых был Войнович. Похоже, что для адаптации ему не потребовалось много сил и времени. Он как был, так и остался возмутителем спокойствия: во время дискуссии о гимне его колючая и очень смешная пародия на ново-старый гимн подлила немало масла в огонь споров, его последняя книга «Портрет на фоне мифов» вызвала бурный всплеск критических страстей в нашей вялотекущей литературной жизни.

Свою недавно написанную краткую — на одну страничку — автобиографию, которую Войнович со свойственной ему иронией назвал «Полным автобиографическим очерком», он заканчивает так: «В течение жизни кое-что написал, кое-что напечатал и на что-то еще надеется».

Между прочим, и мы, читатели, заинтересованы, чтобы надежды эти сбылись.

Лазарь ЛАЗАРЕВ

«Московские новости» сердечно поздравляют Владимира Николаевича с юбилеем и надеются на продолжение нашей дружбы и сотрудничества.

Владимир
Войнович,
писатель
и художник,
с автопортретом

советских людей, нетерпимые идейные пороки. Он должен перестроиться, сделать надлежащие выводы. А он был тверд и неуступчив, писал и говорил, что думал, доискивался правды, дорожил обретенной внутренней свободой, перестраиваться не собирался и делал выводы прямо противоположные тем, которых от него требовали.

А тут пришел конец «оттепели». Началась большая прополка тех ростков свободомыслия, которые проросли в «оттепельную» пору, охота за инуюкмыслящими. Свирепела остревневшая от волкодьявьяго усердия цензура, превращавшая литературу и искусство в «выжженную землю». Абсурдная действительность становилась страшной, кафкианской. Это тогда пошло гулять «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Общественные обстоятельства повернули Войновича к сатире — он стал писать «Жизнь и необычайные приключения Ивана Чонкина», искрометную сатирическую панораму советской действительности, в которой досталось всем «священным коровам» уродливого общественного устройства. Юмор, ирония ранних вещей трансформировались в едкий сарказм, острый гротеск.

Виктор Некрасов, размышляя в написанной незадолго до смерти ста-